

С. Г. Сизов¹

✉ sizov-omsk@yandex.ru

¹Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), г. Омск, Российская Федерация

Реконструкция мировоззрения партийного интеллигента начала 1920-х гг.: Борис Леонов и его литературные произведения

Аннотация: В статье автор проводит историко-психологическую реконструкцию мировоззрения партийного интеллигента 1920-х гг. В качестве источника для анализа избраны малоизвестные рукописи художественных произведений Бориса Фёдоровича Леонова. Он в этот период занимал невысокие должности, активно ведя политико-просветительскую и культурно-просветительскую работу в Орле. Стихи и пьесы Бориса Леонова отразили сложность общественно-политической ситуации в стране после Гражданской войны. Особенно ценные наблюдения молодого писателя касаются настроений интеллигенции начала 1920-х гг. Литературные произведения Леонова свидетельствуют о том, насколько сложен и противоречив был внутренний мир партийного интеллигента. Надежды на светлое будущее сочетались с разочарованием в деятельности партии. Леонов не без основания опасался, что не сможет найти место в новом обществе. Он в определенной степени предвидел свою будущую трагедию (многолетние лагеря и ссылку). Борис держался за партию, поскольку только так он мог проявить себя в сфере литературы и искусства. А именно об этом он мечтал всю жизнь. Позднее система отторгла его, и эти произведения (спустя многие годы после написания) стали вещественными доказательствами «антисоветской деятельности».

Ключевые слова: интеллигенция, литература, РКП(б), ВКП(б), 1920-е годы, Орёл, политпросвет, культпросвет, образование.

Дата поступления статьи: 1 февраля 2023 г.

Для цитирования: Сизов С. Г. (2023) Реконструкция мировоззрения партийного интеллигента начала 1920-х гг.: Борис Леонов и его литературные произведения. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 3, с. 28–39. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.3.3.

Scientific article

S. G. Sizov¹

✉ sizov-omsk@yandex.ru

¹The Siberian State Automobile and Highway University, Omsk, Russian Federation

Reconstruction of a party intellectual worldview in the early 1920s: Boris Leonov and his literary works

Abstract: In the article, the author conducts a historical and psychological reconstruction of the worldview of the party intellectual of the 1920s. Little-known manuscripts of works of art by Boris Fyodorovich Leonov were chosen as a source for analysis. During this period, he held low-ranking positions being actively engaged in political, educational, cultural and awareness-raising work in the town of Oryol. Poems and plays by Boris Leonov reflected the complexity of the socio-political situation in the country after the Civil War. Particularly valuable observations of the young writer concern the mood of the intelligentsia in the early 1920s. The literary works of Leonov testify to how complex and contradictory the inner world of the party intellectual was. Hopes for a brighter future were combined with disappointment in the activities of the party. Leonov feared that he would not be able to find a place in the new society, and with good cause. To a certain extent, he foresaw his future tragedy (long-term camps and exile). Boris stuck to the party, because only in this way could he approve himself in the field of literature and art. And this is what he dreamed of all his life. Later, the system rejected him, and these works (many years after they had been written) became material evidence of “anti-Soviet activity”.

Keywords: intelligentsia, literature, Russian Communist Bolshevik Party, All-Union Communist Party of Bolsheviks, 1920s, Oryol, political enlightenment, cultural enlightenment, education.

© С. Г. Сизов, 2023

Paper submitted: February 1, 2023.

For citation: Sizov S. G. (2023) Reconstruction of a party intellectual worldview in the early 1920s: Boris Leonov and his literary works. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 3, pp. 28–39. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.3.3.

Введение

Изучение жизни интеллигенции 1920-х годов, ее интересов, надежд, разочарований крайне важно для понимания всей общественно-политической ситуации в стране. В этой связи особенно большое значение имеет привлечение новых источников, в том числе литературного характера для изучения данной проблемы (Ершов, 2015). Художественные произведения Бориса Фёдоровича Леонова (1900–1977) помогают получить важные ответы на целый ряд вопросов о жизни и эволюции мировоззрения провинциальной интеллигенции.

История жизни Б. Ф. Леонова по-своему необычна, но в то же время и характерна. Вот основные вехи его биографии. Сын сельского священника, выпускник Первого Орловского духовного училища, недоучившийся семинарист. После Октябрьской революции – вступление в партию большевиков и Красную армию, политработа в войсках. После Гражданской войны Леонов пробовал свои силы на разных поприщах. Главным образом на политико-просветительской и культурно-просветительской работе в Орле. Одновременно Борис учился в Орловском пролетарском университете, работал в профсоюзах, позднее – был учителем и директором школы в Подмосковье.

Несколько раз во второй половине 1920-х гг. по партийным мобилизациям Леонов направлялся на пропагандистскую работу в деревню. В 1929 г. он по такой же мобилизации приезжает в Новосибирск, далее – отправлен на работу в Ленинск-Кузнецкий. С 1932 г. работал в Омске. Здесь Борис Фёдорович трудился в образовательных учреждениях, издательстве, заведовал отделом литературы и искусства в «Омской правде». В 1937 г. стал жертвой доноса: был исключен из партии за «антипартийные разговоры» (усомнился в том, что все репрессированные действительно «враги народа»). Можно сказать, что Леонову тогда еще повезло, что сразу не арестовали. После исключения из ВКП(б) работа в газетах и издательстве была уже невозможна. Он трудился в должности заведующего литчастью областного театра.

Дважды за свою жизнь (в 1944 и 1958 гг.) Б. Ф. Леонов был осужден по политической статье (58–10) за свои критические высказывания и за литературные труды и письма. После второго срока вернулся в Омск (1965 г.) уже полупарализованным инвалидом, но продолжил писать. В отличие от многих репрессированных Борис Фёдорович был реабилитирован еще в 1965 г. (Сизов, 2008).

Мне удалось собрать достаточно большой материал о жизни этого человека. Рукописи и документы дают возможность понять особенности эволюции взглядов Б. Ф. Леонова. Целью данной статьи является проведение историко-психологической реконструкции начального этапа эволюции мировоззрения партийного интеллигента (1920-е гг.).

Методы

При анализе литературных произведений Леонова использовались историко-антропологический и социокультурный подходы, методы исторического описания, исторической реконструкции, типологизации, сравнительно-исторический метод.

Результаты

Стихотворение «Эскиз»

Вероятно, Борис Леонов относился к тем людям, которые при первой возможности берутся за перо. Это было его внутренней потребностью. Возможно, он продолжал писать и в годы Гражданской войны, но произведения этого времени пока не найдены. После войны Борис участвовал в орловских стихотворных альманахах и сборниках. В частности, удалось установить, что его стихотворение «Эскиз» было опубликовано в сборнике «Зелёный шум» в 1922 г. (Леонов, 1922). Характерно, что среди авторов книги – многие знакомые Леонова по Тургеневскому обществу: А. Барышев, А. Герман, И. Лукашин, Е. Сокол, С. Горовой (Сизов, 2005). Общество в те годы было центром литературной жизни Орла (Балыкова, 2002).

Стихотворение Бориса Леонова «Эскиз» носит исповедальный характер. Автор в ресторане остро переживает одиночество, потерю некогда любимых идеалов. Привожу это стихотворение в том виде, как оно было напечатано¹.

Был шум и блеск. Аккордами прелюдий.
Звенел оркестр, дрожали зеркала,
Ночных огней издёрганые люди
Теснились у игорного стола.

И юркою толпой официанты.
С улыбкою подкупленных рабов
Небесных вин, тащили прейс куранты
Калифам расточительных часов.

А я больной и вечно одинокий,
Растроганный печалью канцоннет,
Искал в груди потерянные строки,
Искал давно забытый амулет.

Не находил. А сердце зябло, ныло...
Тогда, призвав на выручку абсент,
Я грел его с надеждою постылой
Лоскутьями заштопанных легенд.

Но кто-то говорил: стихи твои разбиты,
Они в обложке прейс-куранта вин,
Твоя душа – могила Маргариты,
Сраженный на дуэли Валентин.

Зачем пошёл ты к этим истуканам?
Скажи теперь, я был тогда неправ?
Но я молчал над сумрачным стаканом
И засыпал в свинцовости отрав.

И мне приснились в атласе облаченья
Молитвенной зари над синим трупом дня
Просторы тихих сел, и с болью искупленья
Я шёл один к заросшим пустырям.

Далекая изба родным казалась домом,
Как нищий целовал я придорожный куст.
Как узник рвался я над другом незнакомым
Певучий отслужить Сорокоуст,

В просёлочной пыли на сбитые колени
Я падал, как во всём раскаявшийся вор,
И сердце, чёрное от угля прегрешений,
Бросал в купель серебряных озёр.

И вытирал его родимой повеликой,
Пучками тонкими душистой лебеды,
И снова затеплил с смирением великим
От самой ранней, набожной звезды.

А в сонный час у тройки запоздалой,
В ея бубенчиках печальных и глухих,
Как с милых женских губ, застенчиво усталых,
Поймал я бережно забытый стих.

Прими ж, седая Русь, цветочек от поэта,
Страдальческих полей безграмотный наказ.
Я злобно прокричу в огнях кордебалета,
Твоей тоски гусяря и богомаз,

Открыл глаза. И снова всё, как было.
Звенел оркестр, дрожали зеркала,
Скабрзностями нежились кутилы,
И лишь во мне цвели колокола.

Я вышел в ночь. Хрипели проститутки:
«Мущинка, папироску одолжи».
Была метель. Но с радостию жуткой
Я знал конец протоптанной межи.

Это одно из программных произведений Бориса Леонова, и оно дает нам некоторые ключи для понимания этой довольно сложной личности. В произведении есть все самое главное, что он переживал в начале 1920-х гг. Сколько тяжелых раздумий для столь еще молодого человека: Борису всего двадцать два года. Но эти переживания не придуманы, не дань какой-то поэтической моде. В стихах чувствуется невыдуманное страдание, но что еще более важно: в леоновских строках звучит явная утрата смысла существования.

Но кто-то говорил: стихи твои разбиты,
Они в обложке прейс-куранта вин,
Твоя душа – могила Маргариты,
Сраженный на дуэли Валентин.

Маргарита и ее брат Валентин – герои трагедии «Фауста» И. Гёте. Леонов очень ценил эту поэму, любил эти образы. Валентин гибнет на дуэли, пытаясь спасти честь сестры. Маргарита сходит с ума и погибает, когда влюбляется в Фауста, которому помогает сам дьявол. Лишь перед самой кончиной искренне покаявшись в детоубийстве, смиренно готовясь к смерти, она получает с небес прощение грехов.

Ощущал ли Леонов себя жестоко обманутым? Наверное, да. Он вообще после Гражданской войны тяготел к трагедийному ощущению жизни. И, возможно, перенесенное нервное забо-

¹ Здесь и далее при цитировании сохранены орфография и пунктуация оригинала.

левание (осложнение после тифа) обострило его эмоции. Поэт особенно остро ощущает свою душевную пустоту в ресторане, где люди пьют и веселятся. Он «больной и вечно одинокий» не может вписаться в существующую жизнь.

Внутренний голос задает ему вопрос: «Зачем пошёл ты к этим истуканам?» Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы предположить, что речь идет не о каких-то конкретных знакомых поэта. Скорее всего, речь идет здесь о большевиках. И поэт в ответ молчит. Да и куда ему было идти тогда, в 1918 г.? Остаться в стороне от начавшегося противостояния он (в силу своего характера и воспитания) не мог. Сторону белых в Гражданской войне он не принял. Он хотел служить идее справедливости, строительству «нового мира», светлого и справедливого. Именно к этому готовили юных интеллигентов целые поколения революционеров. Либеральные и социалистические настроения в семинариях предреволюционного времени были очень распространены (Леонтьева, 2001; Сизов, 2009). Борис отправился в Красную армию по идейным соображениям. Вероятно, двигали им и романтика, и честолюбие, но они, как представляется, были на втором плане.

Разочарование в строительстве «нового мира» и в руководителях этого строительства пришло уже в начале 1920-х. И поэтому на поставленный вопрос об «истуканах» поэт ответить может лишь «свинцовостью трав» алкоголя. Исправить уже ничего невозможно. Но жить без идеалов, без духовной опоры Леонов не может. И все же он пытается найти эту опору нового этапа своей жизни в возвращении к родным корням. В «Эскизе» очень сильно звучит тема покаяния и «боль искупленья».

В просёлочной пыли на сбитые колени
Я падал, как во всём раскаявшийся вор,
И сердце, чёрное от угля прегрешений,
Бросал в купель серебряных озёр.

Поэт пытается обрести силу от прикосновения к дорогим сердцу детским и юношеским воспоминаниям. Воспоминаниям, не отягощенным кровью Гражданской войны. И, кажется, он ищет и подлинную, глубокую веру. Ту веру, которая была у него в детстве, и которую он позднее утратил. Но поэт понимает, что дважды в одну реку он войти не сможет. Он не находит веру, но уже то, что он к этому стремится, свидетельствует о радикальных переменах в его взглядах. Коммунистическая романтика, кажется, его уже не привлекает.

Автор «Эскиза» не может повернуть вспять колесо истории, свою собственную жизнь, но хочет прокричать свою боль уже как «наказ» от имени всей Руси. Он как поэт числит за собой право на этот крик, поскольку именно он – «твоей тоски гусляр и богомаз». Что же это за наказ, остается неясным. Возможно, Леонов просто не мог напечатать то, что думал. Но, выходя из ресторана, поэт чувствует себя уже совсем иначе по сравнению с началом этого тяжелого вечера (Сизов, 2012).

Была метель. Но с радостью жуткой
Я знал конец протоптанной межи.

Что это за понятая поэтом «радость жуткая» конца? Сказано об этом неопределенно, и нам остается лишь догадываться. Вряд ли это дань лишь поэтической красоты? Может быть, им было принято какое-то решение, которое он не раскрывает. Но возможно и другое предположение: то, что узрел поэт в своем, подогретом вином болезненном сознании, его одновременно обрадовало и испугало. Открылось ли герою стихотворения (а это, без сомнения, сам Борис) в какой-то миг вся трагедия его будущей жизни? Или, быть может, он принял какое-то важное для себя решение, которое должно было изменить его жизнь, дать новые силы его душе? Это остается недосказанным... Но трагическое ощущение, которое остается у читателя после прочтения стихотворения, гармонирует с историей последующих лет жизни Бориса Леонова.

Поэма «Русь»

К началу 1920-х гг. относится и публикация поэмы Бориса Леонова «Русь», имеющаяся в фондах Орловской областной публичной библиотеки им. И. А. Бунина (Леонов, б/г.). Более точно дату определить невозможно, т. к. не указан год издания и нет никаких типографских дат. Поэма представляет собой тоненькую брошюрку из восьми страничек, изданную на дешевой коричневой бумаге. На первой странице знаменитый лозунг: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» В то время такие простенькие издания были достаточно распространены. Это, вероятно, единственное издание, в котором опубликованы только леоновские стихи. Оно любопытно для понимания личности автора. Неизвестно точное время написания поэмы, но содержание ее указывает на то, что создавалась она сразу после Гражданской войны (Сизов, 2006).

Поэма «Русь» состоит из шести частей. Части различаются ритмом, количеством четверостиший. Наряду с удачными строками и образами есть и менее удачные. Но в целом поэма показывает нам, что Борис Леонов чувствовал деревенскую жизнь, родную природу и умел это ярко выразить. Для него Русь – это, прежде всего, русская деревня. Ему, безусловно, ностальгически дороги знакомые с детства картины природы, сельский быт и развлечения. Именно с этих картин и начинается произведение. Но, любовно рисуя деревенскую жизнь, автор одновременно как будто и отвергает ее. Он бежит от деревни... То, что радовало в детстве, теперь уже не вернуть. Он стал другим...

Центральный образ заключительных частей поэмы – знаменитая русская тройка. Чувствуется, что этот классический образ Леонов любил. (О тройке он вспоминает и в стихотворении «Эпизод».) Но в этой тройке автор поэмы смог передать не только заливчатую русскую удаль. Здесь талантливо показаны и важнейшие революционные потрясения Руси.

Но топот бешеный и ржанье
Всё близится и всё сильней,
И вот уж ясны очертанья
Громадных рыжих лошадей.

Глаза их кровию налиты
Покрыты пеною бока,
Но все движенья тесно слиты
С рукой железной ямщика.

Но поэт идет дальше в поиске образного ряда, который бы помог обозначить всю сложность революции. Кроме ямщика с железной хваткой в тройке сидит молодая женщина как символ соблазна.

И в шубе с новой опояской
Сидит молодка с ямщиком,
Чарует всех задорной лаской
И машет ярким кумачём.

Вид этой лихой тройки действует на селян ошеломляюще. В ней есть и удаль, и жесткий порядок, и одновременно чарующая «ласка». Это странное сочетание не случайно. Ведь, в сущности, это – все то, о чем мечтает простой народ. Как тут не соблазниться?

Замолкли песни. Замер хохот
И к тройке ринулись толпой.
Разноголосый слышен ропот:
«Возьми, возьми меня с собой!»

Ямщик советуется спрашивающим взять господских коней и ехать самим. Крестьяне после недолгих раздумий бегут грабить помещичью усадьбу. А уезжающий ямщик продолжает усмехаться в усы.

В финале поэмы вновь говорится о том, что лихая тройка поскачет не только по Руси, «минуя знаки старых веков», но и отправится за ее пределы. Там эту тройку-революцию ждут другие народы. Ждут и не знают, что она может им принести не только радость...

И мчатся кони по полянам,
Минуя знаки старых вех.
Леса шумят. Играют воды.
Визжат колосья под серпом
И ждут заморские народы
Лихую тройку с бубенцом.

Все указывает на то, что поэма была написана в начале 1920-х гг. после Гражданской войны. Об этом говорит и то, как описаны автором поэмы революционные события. Он пишет о них хоть и иносказательно, но достаточно прозрачно. События революции поэт описывает полностью, зная уже их итог. Тройка проехала по Руси и теперь, возможно, помчится дальше, неся мировую революцию «заморским народам».

О душевных исканиях Леонова начала 1920-х гг. свидетельствуют и две пьесы, которые сохранились в архиве УФСБ России по Омской области как вещественные доказательства его антисоветской деятельности, а в 1998 г. переданы в Государственный архив Омской области. В декабре 1921 г. Борис пишет пьесу «Угольки. Интеллигенция на закате», в 1923-м – пьесу «Осени поздней». Пьесы очень интересны, так как дают возможность без наслоений времени и давления следователей оценить художественные пристрастия и настроения Б. Ф. Леонова 1920-х гг., лучше узнать его внутренний мир, сомнения, а также увидеть его глазами интеллигенцию Орла того времени.

Пьеса «Угольки. Интеллигенция на закате»

Очевидно, что впечатления молодого Леонова, ставшего свидетелем и участником многих исторических процессов, просились на бумагу. В пьесе «Угольки» (ИсАОО. Ф. 3269. Оп. 1. Д. 31), пожалуй, ярче всего отражается та сумятица в умах интеллигенции, которая произошла в период великой российской смуты.

Интересно, что в пьесе, которая явно носит автобиографический характер, как минимум два персонажа имеют авторские черты. Борис Леонов вложил свои мысли и чувства в двух героев, но парадокс в том, что это совершенно разные люди по своим взглядам и мироощущению. Один – типичный интеллигент – поэт, учитель Семёнов, другой – жесткий властитель, начальник местного ЧК Ключин. Каждый из них озвучивает мысли, мучившие Леонова. Обоим героям пьесы он по-своему сочувствует. И одновременно тревожится о том, что ждет дальше и интеллигенцию, и народ, да и его самого. Это ощущение надвигающейся беды есть во всех произведениях Бориса Леонова. Он как художник, по всей видимости, предчувствовал, что беды ему не миновать.

Студентом Орловского пролетарского университета, в начале 1920-х гг., Борис Леонов сблизился с некоторыми учеными, литераторами, педагогами. Вполне вероятно, прообразом некоторых персонажей были члены Тургеневского общества. Представители орловской интеллигенции тех лет, как сообщает Леонов на следствии, «элегически вздыхали об оранжерейных цветах прошлой культуры, не видели для себя выхода в настоящей действительности и поэтому относились к ней недружелюбно, в лучшем случае как-то кисленько... Бывая в свободные от работы вечера в этой среде, я испытывал всё время какую-то двойственность в своих отношениях к ней: с одной стороны, я видел, что эти люди очутились в общественно-идеологическом тупике, а, с другой стороны, мне было не только жаль их, но я чувствовал к ним несомненную симпатию, близость, ибо их ущербно-индивидуалистические настроения находили отзвук и в моей душе. Вот на такой почве и в такой атмосфере я и написал свои первые литературные опыты: “Угольки” и “Осени поздней”».

Как нам представляется, Борис Леонов в пьесе «Угольки» попытался показать наиболее характерные, типичные настроения известного ему круга лиц интеллигентской среды провинциального города. Автор пьесы был непосредственным участником интеллигентских дискуссий, писал свое драматическое произведение «по горячим следам», что придает особую достоверность спорам героев пьесы. Каждый же из главных действующих лиц пьесы отстаивает собственную позицию, но вместе с тем данная позиция достаточно типична, что позволяет провести типологизацию.

Первая позиция. Ее отстаивает в пьесе Владимир Николаевич Семёнов, 25-летний поэт. Он не может принять большевизма, который пытается устроить из жизни большой каземат с многочисленными перегородками» (здесь и далее в кавычки заключены слова персонажей пьесы. – С. С.). Владимир считает, что *«паршивое, грошевое счастье»*, которое предлагают большевики, покалечит и убьет *«что-то очень важное в этом мире»*. Мир *«хотят строить на основах рассудка, а жить неизмеримо шире и глубже человеческого рассудка»*. Молодой поэт признается, что поначалу революция его увлекла. *«А потом пошла ложь, затем тоска, и, наконец, просто скука. Подчинение муштровке, в лучшем случае обстоятельствам, стали выдавать за героизм и сознательность...»*.

Владимир Семёнов не верит, что такие, как он, окончательно проиграли: *«...Мы ещё повоюем и своих позиций без боя не сдадим. Посмотрим, чья возьмёт. За нами, мягкотельми, культура и нежное понимание человеческой души. А ваши идеологи могут расстреливать сотни людей, несогласных с их утопией и в тоже время не иметь веры в эту самую утопию...»*.

Вторая позиция. Эти взгляды изложены в монологе Ольги Петровны Кузнецовой – замужней женщины, в которую влюблены поэт Владимир Семёнов и председатель губчека Борис Ключин. Ольга Петровна отдает явное предпочтение чекисту, но так и не решается связать с ним свою судьбу. Ольга не соглашается с точкой зрения Владимира на существующую жизнь. Она не может признать самым важным сохранение свободы жизни и творчества. По ее мнению, прежде всего нужно думать о судьбе простого народа, которому до революции жилось очень тяжело.

Ольга Петровна приняла Октябрьскую революцию, хотя очевидно, что определенные сомнения в правильности курса большевиков ее мучают. Но она готова предпочесть даже гибель под *«неумолимыми колёсами»* (большевизма. – С. С.), чем *«заниматься сомнительной мелодекламацией»* среди *«тупых мещан и мечтательных фразёров»*.

Третья позиция. Эта позиция в чем-то близка предыдущей. Высказывает ее Николай Александрович Семёнов, отец Владимира. Ему 52 года. В прошлом был учителем гимназии, ныне – учитель советской школы. Николай Александрович – типичный русский интеллигент-«народопоклонник». Свой долг он видит в том, чтобы *«нести посильную лепту обществу в целях его прогресса»*, и считает, что *«это нужно делать, независимо оттого, сочувствуешь ли ты известному строю или нет»*.

Четвертая позиция. Ее излагает Константин Михайлович Генерозов. Этому персонажу пьесы 29 лет, он – *«ответственный советский работник»*, («спец»). Генерозов – личность малопривлекательная, циничная. Он с легкостью готов ломать людские судьбы ради денег и удовольствий. Константин Генерозов признается, что в молодости был *«большим идеалистом»*, но затем пришел к выводу: *«справедливости нет, правда – только в пороке, а красота – в религии этого порока»*.

Генерозов пошел на советскую службу, сделал себе карьеру, но в идеи коммунизма абсолютно не верит, занимается аферами и развратом. Он называет большевиков *«завзятыми идеалистами»*, поскольку они *«имеют в виду только одну идею, не обращая внимания на то, во сколько жизней обойдётся человечеству эта идея и соответствует ли она сейчас органическим, насущным потребностям страны»*. Советский «спец» Генерозов считает, что вместо того, чтобы придумывать, как жить народу, надо спросить об этом сам народ. И предполагает, что эсеровская программа понравится народу больше.

Пятая позиция. Автор пьесы попытался нарисовать образ убежденного большевика-интеллигента. Это – Борис Алексеевич Ключин, 28-летний *«студент, предгубчека»*. Ключин – сложная фигура, привлекающая и пугающая одновременно. Фанатично преданный идеям революции, он готов к любым испытаниям и жертвам ради переустройства общества. Человек, еще не получивший высшего образования, уже решает судьбы многих людей. Их право жить или умирать.

Сомневающимся интеллигентов он откровенно презирает, называя их *«мертвечиной»*, *«кладбищем философских голов»*, *«слякотью»*. Ключин уверен, что не *«филистеры и философы гостиных»* смогут *«залечить зияющие раны общества»*, а именно нынешняя власть, которой

реальной альтернативы нет. На вопрос рабочего о недостатках нынешнего общества главный чекист губернии отвечает так: *«Если сейчас есть мародёрство или воровство, так это – нарыв, который рано или поздно прорвется, а если нас с тобой не будет, то нарыв превратится в законное право и оно так будет здорово обставлено всякой юриспруденцией, что только рот разинешь»*. Желая поразить своего собеседника, чекист добавляет: *«Я сегодня подписал два смертных приговора и буду великолепно спать, потому что знаю, что я прав и так надо»*. Характерна и напутственная реплика рабочему: *«Работай больше, да не думай по пустому. Если, брат, мы начнём размышлять, так ещё трудней будет»*.

В финале пьесы циник Генерозов, организующий воровство вагонов с продовольствием для голодающих, оказывается в ЧК. Он проиграл, арестован Ключиным, но это не похоже на победу абсолютного добра над абсолютным злом. Для автора пьесы это – скорее эпизод тяжелейшей драмы, когда жестокая власть пытается навести порядок в стране. В этом эпизоде автор пьесы на стороне Ключина, но одновременно дает понять, что аферистами дело наведения нового порядка может не ограничиться. Насколько советский порядок будет человеческим, насколько он будет соответствовать ожиданиям народа и интеллигенции? Леонов, как и многие интеллигенты того времени, мучился над этими вопросами. Для него многое в советском варианте нового мира вызывало сомнения. А ведь это было еще начало НЭПа. В последующих произведениях скепсис Леонова только нарастал.

Борис Леонов в пьесе «Угольки» нарисовал весьма характерные общественно-политические настроения интеллигенции начала 1920-х гг. Автор как бы предлагает зрителям сопоставить различные позиции героев пьесы и самим решить, кто из них ближе к истине. В пьесе, которая, как признавал и сам Леонов, носит автобиографический характер, фактически сразу два персонажа имеют авторские черты. Начинающий драматург вложил свои мысли и чувства в двух главных героев – Семёнова и Ключина, учителя и чекиста. Парадокс в том, что это совершенно разные люди по своим взглядам и мироощущению. Это противоречие отразило двойственность сознания не только Леонова, но и целой группы интеллигенции.

Пьеса «Угольки» донесла нам еще одно стихотворение Бориса Леонова. Стихотворение, безусловно, по своему духу юношеско-романтическое. В нем есть какие-то гумилёвско-блоковские мотивы. Возможно, стихотворение было написано раньше основного текста пьесы (в дореволюционные семинарские времена). Оно несколько диссонирует со всем остальным текстом. Как бы там ни было, автор пьесы вкладывает эти стихи в уста своего любимого героя пьесы – Владимира Семёнова. Нетрудно заметить, что фамилии «Леонов» и «Семёнов» легко замещают друг друга в стихотворении, не меняя его ритм. Не ошибусь, если предположу, что первоначально эти стихи Борис адресовал самому себе.

Над букетом вянущих пионов
С бахромою золоченых лент
Что же ты задумался, Семёнов,
Тихий рыцарь гаснувших легенд?

Или в листьях с чуткостью поэта
Ты нашёл священный амулет,
И теперь душа твоя согрета
Поцелуем пожелтевших лет?

Где-то раньше жили великаны,
Было много солнечных невест...
Полетим, Семёнов, в эти страны
Помолиться на забытый крест.

Пусть зарыты сказочные Кенты;
Пусть окончен бешеный турнир,
Подожди! Ещё дрожат легенды
В перезвоне сломанных рапир.

Пей остатки мутного графина,
Слушай, как беспомощно шумит
Полуночный ветер Валентина
У пустых беседок Маргарит.

Борису было, безусловно, больно расставаться с «угольками» гаснувшей культуры прежней эпохи. Он воевал за дело революции, агитировал за нее красноармейцев, крестьян, но в этот период его одолевают сомнения в верности избранного партией пути. Он разочарован во многом. И среди всего прочего не смог принять усиления контроля государства над личностью. Леонов так и не смог стать безропотным «винтиком» системы, что в дальнейшем определило его трагическую судьбу.

Пьеса «Осени поздней...»

Хоть Борис после вступления в партию большевиков в 1918 г. порвал связи с отцом-священником, он вновь и вновь вспоминает драматические обстоятельства этого разрыва. И это находит отражение в его творчестве. В пьесе «Осени поздней...», написанной в 1923 г. (ИсАОО. Ф. 3269. Оп. 1. Д. 18.), изображены конфликтные отношения отцов и детей в революционные годы. Этот вечный конфликт всегда неизбежно обостряется в переломные эпохи. В эпоху революции и Гражданской войны это иногда происходит особенно остро.

Пьеса представляет собой драму в трех действиях. Сорок пожелтевших от времени листов стандартного формата сложены пополам и прошиты посередине черной ниткой. В результате получилась тетрадка. «Осени поздней...» – довольно странная и мрачная пьеса. Действие ее происходит в 1922 г. в глухой деревне в семье сельского священника Василия Красовского. Неустроенность объединяет представителей как старшего, так и младшего поколений. Столь мощное потрясение как революция перевернуло жизнь семьи. Но жизнь семьи осложнена не только стандартными конфликтами «отцов» и «детей», она омрачена ненавистью.

Отец Василий не любит своих детей, которые, по его мнению, совершенно неблагодарны. Он пьянствует, открыто изменяет жене и презирает ее. Жалуется, что она из «сумасшедшего рода». Потому-то почти у всех детей психические отклонения. Старший сын утопился, сестру увозят в психбольницу, а средний сын в конце пьесы кончает жизнь самоубийством, используя подаренный братом револьвер.

Дети откровенно презирают своего вечно пьяного и беспутного отца-священника, забитую и злобную мать. Младшие члены семьи жестоко насмеваются над религиозными чувствами родителей, видя лицемерие, царящее в доме. Все они мечтают побыстрее покинуть отчий дом, но это в условиях послевоенной разрухи непросто. Они прекрасно знают о царящей безработице в городе. Можно сказать, что они переживают в деревне самое тяжелое время, чтобы потом ее покинуть. Леонов показывает, что здесь у молодых людей нет будущего.

Поражает то, что все герои в той или иной степени несчастны, находятся в тупике, из которого не видят выхода. Что хотел сказать этой пьесой Борис Леонов своему потенциальному зрителю, читателю? Очередной раз обличить «прогнивший» старый мир или показать сложность и неустроенность нового? Полагаю, что в этой пьесе он показал кризисное состояние общества и выразил свой собственный мировоззренческий кризис, который проявился и в его более ранней пьесе «Угольки».

В произведении есть сцена, когда священника-отца забирают представители власти («члены волисполкома») за то, что он утаил церковный серебряный сосуд (эти сборы церковной утвари объяснялись властями помощью голодающим, но на деле преследовали и другую цель – ослабление церкви). По сюжету пьесы отец Василий спрятал серебряный сосуд, чтобы перепродать. Сосуд находят, и священник отправляется в тюрьму. Из всех членов семьи только жена жалеет его.

Не исключаю, что отец Бориса Леонова был действительно осужден в те годы. Возможно, что был репрессирован позднее, но подтверждение этому в документах мне пока найти не удалось. Мой запрос в Управление ФСБ по Орловской области также дал отрицательный результат: дела на

Фёдора Ивановича Леонова нет (Гаврилов, 1997). Тем не менее вероятность тех или иных репрессивных акций против священника в те годы была достаточно велика. Сам Леонов на допросе просто заявил, что, порвав отношения с семьей, он ничего не знает и о том, когда и как умерли отец и мать. Этим он заранее защищал себя от возможных вопросов и обвинений.

«Рассказ в отрывках»

Последняя вещь, дошедшая до нас из орловского периода жизни Б. Ф. Леонова, – «Рассказ в отрывках», написанный в сентябре 1924 г. (ИсАОО. Ф. 3269. Оп. 1. Д. 16). По странному стечению обстоятельств этот рассказ, вероятно, первый раз конфисковали у Леонова в 1944 г., но затем вернули. Видимо, тогда рассказ не представил интереса для следствия. Зато в 1958 г., после второй конфискации рукописей, следователи уже проявили к этому небольшому рассказу внимание: произведение фигурирует в уголовном деле.

Фактически «Рассказ в отрывках» – это эпизод жизни человека, который потерял веру в идеи, которым служил. О человеке, ставшем обыкновенным циником. Главный герой – Леонид Данский – мелкий чиновник, который уже ни во что не верит и постепенно спивается. Он обреченно смотрит на существующую жизнь, не находя применения своим способностям. Отрывки из рассказа заслуживают цитирования (сохранена орфография и пунктуация документа). *«Скверно то, что надо вставать с постели, на службу идти, а идти он как не хочется! А вечером ячейка. Обязательно нужно быть. Чистка скоро. Пройдёт тогда можно и поманкировать... Пока состоишь в партии, за тобой признаётся и ум, и организаторские способности и всякие другие добродетели, а исключили – ты уже всё потерял, ты ничто. Самый последний дурак, у которого ничего за собой нет, кроме долголетнего партийного стажа, да и то ещё сомнительного, смотрит на тебя свысока. Интеллигент! Подумаешь, какое бранное слово! А Ленин, Троцкий, Луначарский – пролетарии? Так почему же Данскому, ставится это в смертный грех? Как будто я виноват, что получил образование, владею даром слова, начитан. Кто кому мешает над собой работать? Недавно политпроверка была. Боже мой, что за кошмар! Никто не в зуб. Историю своей партии и даже не знают. Луп-луп глазами – смотреть было тошно. А настанет чистка: крылья свои петушинные распусят, голову кверху – не подходи. Пролетаризация партии, классовое самознание – только держись! Пустосвяты!»*

Данский прямо говорит своей подруге Наде, что не верит в коммунизм, не верит в революцию. На ее недоуменный вопрос: «Зачем же вы состоите в партии?» отвечает с наглой откровенностью: «...Пиво люблю и кое-что другое...я хочу есть и состою в партии... А кто нынче не подлец? Укажи ты мне честного человека и я ему в ноги поклонюсь...ты думаешь мне легко живётся? Если бы вот не пиво, да ты ещё давно повесился».

Леонов рисует неприглядный образ циничного партийца не случайно. Я далек от того, чтобы напрямую проводить параллели между ним и героем рассказа Данским, но несомненно (и это мы видели в его других произведениях): Леонов переживал «кризис веры». И таких партийцев, как Данский, видел вокруг себя предостаточно. Ему было больно от того, что многие его революционные иллюзии рассыпались в прах. На место романтиков пришли не только партийные организаторы, лишённые рефлексии, но и в большом количестве пришли карьеристы и циники. И, вероятно, именно свой внутренний протест он пытался донести своим рассказом.

Выводы

Произведения Бориса Фёдоровича Леонова дают нам представление о том, как сложен и противоречив был внутренний мир интеллигенции начала 1920-х годов. Интеллигенция была в растерянности. «Старый мир», от которого она давно отреклась, был разрушен или почти разрушен, о чем многие из отрицателей уже жалеют. «Новый мир» принять оказалось довольно сложно: он был слишком далек от их идеалов. Он был и слишком жесток. И им трудно найти в нем себе место. Кроме того, в этом «новом мире», о котором они когда-то мечтали, возрождались (нередко в еще более отвратительном виде) прежние социальные язвы и пороки.

Не менее противоречивым было и мировоззрение автора представленных произведений, «партийного интеллигента» Бориса Леонова. Характерно, что в пьесе «Угольки» автор вложил свои мысли и чувства сразу в двух главных героев – учителя Семёнова и Ключина, чекиста. Они кажутся антиподами друг друга, и тем не менее каждый из них несет некоторые мысли и эмоции самого Леонова.

В начале 1920-х гг. Борис Леонов идет во власть, учит других марксизму, но его гложут серьезные сомнения по поводу правильности проводимого курса. НЭП лишь их усиливает, хотя замена продрозверстки продналогом ему кажется своевременной мерой. Надежды на светлое будущее сочетались с большим разочарованием в деятельности партии, все большим сужением возможностей для свободного литературного творчества, для общественных и литературных дискуссий.

Литературные произведения Леонова свидетельствуют, что он не без основания опасался, что не сможет найти место в новом советском обществе, которое все больше устанавливало сверхжесткие рамки и нормы «соцреализма». Он держался за партию, поскольку только так он мог проявить себя в сфере литературы и искусства. А именно об этом он мечтал всю жизнь. Позднее система отторгла его, и эти произведения (спустя многие годы после написания) стали вещественными доказательствами «антисоветской деятельности». Последовали долгие годы заключения в лагерях. Произведения, написанные после освобождения, пронизаны уже иными настроениями (Сизов, 2016; Юдалевич, 1999).

Источники

- Балыкова Л. А. (2002) Тургеневское общество в Орле. Россия и современный мир, № 1, с. 204–205.
- Ершов М. Ф. (2015) Художественные тексты как исторические источники о жизни провинциальной России рубежа XIX–XX вв. Петербургский исторический журнал, № 1 (5), с. 51–67.
- Исторический архив Омской области (ИсАОО). Ф. 3269. Оп. 1. Д. 16.
- ИсАОО. Ф. 3269. Оп. 1. Д. 18.
- ИсАОО. Ф. 3269. Оп. 1. Д. 31.
- Леонов Б. (б/г.). Русь (Поэма). Орёл, б. и., 8 с.
- Леонов Б. (1922) Эскиз. Зелёный шум: Сб. произведений поэтов и писателей Орловской губернии. Орёл, б. и., с. 22–23.
- Леонтьева Т. Г. (2001) Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века. Вопросы истории, № 1, с. 31–40.
- Письмо начальника подразделения УФСБ РФ по Орловской области С. Гаврилова С. Г. Сизову. № 10/С-9. Орёл, 10.02.1997. Личный архив автора.
- Сизов С. Г. (2008) «Двадцатый век – не для камина»: Историческая реконструкция судьбы репрессированного литератора Бориса Леонова: монография. Омск, изд-во ОмГПУ; изд. дом «Наука», 412 с.
- Сизов С. Г. (2005) Орловский пролетарский университет и Тургеневское общество. Уральские Бирюковские чтения. Сб. науч. статей. Вып. 3. Из истории российской интеллигенции. Челябинск, с. 394–400.
- Сизов С. Г. (2006) Поэма Б. Ф. Леонова «Русь»: взгляд партийного интеллигента на революционные события. Политическая культура интеллигенции и её место в жизни общества: Материалы XVII Междунар. науч.-теор. конф., Иваново, 21–23 сентября 2006. Иваново, изд-во Ивановского гос. ун-та, с. 294–297.
- Сизов С. Г. (2016) Провинциальный диссидент Борис Леонов и его проза 1960 – 1970-х годов. Костромской гуманитарный вестник, № 1 (10), с. 43–46.
- Сизов С. Г. (2009) Революционные идеи семинаристов и детей священников. Конец XIX – начало XX вв. Вопросы истории, № 7, с. 139–144.
- Сизов С. Г. (2012) Стихотворение орловского литератора Б. Ф. Леонова «Эскиз» (1922): исторический анализ поэтического произведения. Русская поэзия: проблемы стиховедения и поэтики. Сборник статей. Вып. 2. ОГУ, НИИ филологии ОГУ. Орёл, ПФ «Картуш», с. 79–83.
- Юдалевич Б. М. (1999) Автор «другой» литературы. Гуманитарные науки в Сибири, № 4, с. 89–94.

References

- Balykova L. A. (2002) Turgenevskoe obshhestvo v Orle [Turgenev Society in Orel]. Russia and the contemporary world, no. 1, pp. 204–205 (In Russian).
- Ershov M. F. (2015) Hudozhestvennyye teksty kak istoricheskie istochniki o zhizni provincial'noj Rossii rubezha XIX–XX vv. [Literary texts as historical sources about the life of provincial Russia at the turn

- of the 19th-20th centuries] Peterburgskij istoricheskij zhurnal – Saint-Petersburg Historical Journal, no. 1 (5), pp. 51–67 (In Russian).
- Istoricheskij arhiv Omskoj oblasti (IsAOO) [Historical archive of the Omsk region (IsAOO)]. F. 3269. Op. 1. D. 16. (In Russian).
- IsAOO. F. 3269. Op. 1. D. 18. (In Russian).
- IsAOO. F. 3269. Op. 1. D. 31. (In Russian).
- Leonov B. Rus' (Poema) [Rus' (Poem)]. Oryol, b. i., 8 p. (In Russian).
- Leonov B. (1922) Jeskiz. Zeljonyj shum: Sb. proizvedenij pojetov i pisatelej Orlovskoj gubernii [Sketch. Green Noise: Sat. works of poets and writers of the Oryol province]. Oryol, b. i., p. 22–23 (In Russian).
- Leontieva T. G. (2001) Vera i bunt: duhovenstvo v revoljucionnom obshestve Rossii nachala XX veka [Faith and rebellion: the clergy in the revolutionary society of Russia in the early twentieth century]. Questions of History, no. 1, pp. 31–40 (In Russian).
- Pis'mo nachal'nika podrazdelenija UFSB RF po Orlovskoj oblasti S. Gavrilova S. G. Sizovu [Personal archive of the author. Letter from the head of the department of the Federal Security Service of the Russian Federation for the Oryol region S. Gavrilov to S.G. Sizov]. No. 10/S-9. Oryol, 02/10/1997. Author's personal archive (In Russian).
- Sizov S. G. (2008) "Dvadcatyj vek – ne dlja kamina": Istoricheskaja rekonstrukcija sud'by repressirovannogo literatora Borisa Leonova ["The 20th century is not for the fireplace": Historical reconstruction of the fate of the repressed writer Boris Leonov]. Monograph. Omsk, OmGPU Publ. house; ed. house "Science", 412 p. (In Russian).
- Sizov S. G. (2005) Orlovskij proletarskij universitet i Turgenevskoe obshestvo [Oryol Proletarian University and the Turgenev Society]. Ural'skiye Biryukovskiye chteniya [Ural Biryukov Readings]. Sat. scientific articles. Issue. 3. From the history of the Russian intelligentsia. Chelyabinsk, pp. 394–400. (In Russian).
- Sizov S. G. (2006) Pojema B. F. Leonova "Rus'": vzgljad partijnogo intelligenta na revoljucionnye sobytija [Poem by B.F. Leonov "Rus'": the view of the party intellectual on the revolutionary events]. Politicheskaya kul'tura intelligentsii i yeyo mesto v zhizni obshestva [The political culture of the intelligentsia and its place in the life of society]. Proceedings of the XVII Intern. scientific-theor. Conf., Ivanovo, September 21–23, 2006. Ivanovo, Ivanovo State university Publ. house, pp. 294–297 (In Russian).
- Sizov S. G. (2016) Provincial'nyj dissident Boris Leonov i ego proza 1960 – 1970-h godov [Provincial dissident Boris Leonov and his prose of the 1960s – 1970s]. Kostroma humanitarian bulletin, no. 1 (10), pp. 43–46 (In Russian).
- Sizov S. G. (2009) Revoljucionnye idei seminaristov i detej svjashhennikov. Konec XIX – nachalo XX vv. [Revolutionary ideas of seminarians and children of priests. Late 19th – early 20th centuries]. Questions of History, no. 7, pp. 139–144 (In Russian).
- Sizov S. G. (2012) Stihotvorenje orlovskogo literatora B. F. Leonova "Jeskiz" (1922): istoricheskij analiz pojeticheskogo proizvedenija [The poem of the Oryol writer B.F. Leonov "Sketch" (1922): a historical analysis of a poetic work]. Russian poetry: problems of versification and poetics. Digest of articles. Issue 2. OSU, Research Institute of Philology OSU. Oryol, Kartush Publ., pp. 79–83 (In Russian)
- Yudalevich B. M. (1999) Avtor "drugoj" literatury [Author of "other" literature]. Humanitarian Sciences in Siberia, no. 4, pp. 89–94 (In Russian).

Информация об авторе

Сизов Сергей Григорьевич

Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и истории. Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0000-0001-5138-8752.
E-mail: sizov-omsk@yandex.ru

Autor's information

Sergey G. Sizov

Dr. Sc. (Hist.), Associate Professor, Professor of the Philosophy and History Department. The Siberian State Automobile and Highway University (SibADI), Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0001-5138-8752.
E-mail: sizov-omsk@yandex.ru